

Ранний апрель. Юноша, почти мальчик, с младенцем на руках стоит у раскрытого окна. Такой красивый... Обручальное колечко на правом безымянном. Тёмное серебряное кольцо – на левом. Почти чёрное. Кто подарил, за что?..

Мальчик смотрит в окно. Жена, смешная и маленькая, живёт в соседнем дворе. Вместе в драмкружок ходили. Рано поженились. Жена ушла пожить у родителей. Мальчик приходит гулять с ребёнком.

Деньги, деньги. С деньгами засада. Жёнам нужны деньги, даже таким маленьким и смешным.

Нет денег. Он только институт закончил, актёром в театре работает.

У мальчика самостоятельная работа. Ставит пьесу молодого автора.

Там какие-то трое на какой-то заброшенной даче перед снегом, разговаривают, не поймёшь ничего. Осветители требуют денег за каждое включение. Хотя они на зарплате в театре, в общем-то. Надо что-то продать. Дома ничего нет, чтобы продать. Мать – кассирша в филармонии. Мечтала стать актрисой. Всем говорит, что родня была против – семья священника, вот тут, за метро, церковка так и стоит. Деревня была, потом стали застраивать, дали квартиру на двенадцатом этаже. Родня была против, вот и не стала актрисой. До сих пор не может сказать, что три раза подряд провалилась во все театральные институты Москвы.

Зато сын – актёр. На Таганке!

Всюду деньги. Которых нет. А спектакль должен быть. Такой будет спектакль, что все закачаются. Пьесу никто не понимает. Даже актёрам не очень как-то, если честно. Непонятные шутки, молчаливые разговоры, замшелая дача, никакого хэппи-энда, тоска зелёная, брось ты на фиг...

Это как любовь. Да ты глаза разуй, она же некрасивая, безруч и бестолочь.

Но уже ничего не поделаешь. Мальчик один против всех.

Погулять с сыном – и на репетицию. Заходит к жене, там готовят долма.

Азербайджанец, весёлый и добрый, учит жену мальчика готовить долма, а сына мальчика – говорить по-азербайджански.

Протягивает руку здороваться. Очень грязные ногти. Много работает на рынке. Овощи-фрукты. Зато деньги. И машина «Фольксваген-пассат».

И когда мальчик берёт сына на руки, чтобы пойти погулять, жена и азербайджанец нетерпеливо улыбаются друг другу.

Мальчик гуляет с сыном без коляски, держит на руках, прижимает к себе.

Приносит в родную нищету квартиры. Стоит у окна.

Отнести младенца жене и азербайджанцу с грязными ногтями – и на репетицию. Ставить пьесу, которую никто не любит. И его, мальчика, никто не любит. Все любят деньги.

Рядом не оказывается никого, кто сказал бы – будет всё. Всё и гораздо больше. Перетерпи, балда. Чуть-чуть пережди.

Мальчик с младенцем у раскрытого окна на фоне апрельских небес.

Младенец выжил. Ни царапинки. Буквально. Это чудо, чудо...

Мальчик летел, прижимая его к себе.

С мальчиком простились в фойе театра на Таганке. Сильно пахли цветы. Знаменитый артист сказал речь и заплакал по-настоящему, взаправду, некрасиво кривя медийное лицо. А худрук, учитель мальчика, не пришёл. Переживал, наверное, очень.

Сильно напудренный мальчик в гробу...

Мать отдала чёрное кольцо автору пьесы – худой как палка рыжей девахе. Та, глазом не моргнула, поцеловала кольцо и напялила на палец. Ехала в метро. Встретила институтского товарища. Спросил: «что грустишь». Стала рассказывать про мальчика с младенцем. Разрыдалась. Показала чёрное кольцо. Продолжала рыдать на Маяковке, прислоняясь к мраморному поэту, самоубийце тоже. Институтский товарищ сказал:

– Сними ты это кольцо. Спрячь куда подальше. Чёрное какое-то... Правда, сними.

Рыдая, показала утешителю кукиш.

Нам было больно жить, ведь молодость – это всегда очень больно.

Мы хотели кричать о своей боли, сказать своё, что знаем только мы, что важно только сейчас, сей же миг, но нам затыкали рты «седые строгие мужчины». Словом «чернуха» затыкали наши детские рты, потому что им когда-то затыкали рты, потому что тем тоже когда-то...

Мы утешали друг друга: «Прорвёмся!». Прорвёмся и дадим жару. Всем покажем, отыграемся, отдулимся по полной...

Мы прорвались, раздобрили, успокоились и сказали тем, кто шёл следом:

Говорите.

Это важно.

Кричите.

Не бойтесь, мы вас любим.

Отойдите от окон, распахнутых в небеса.

А кольцо оказалось белым. Само по себе очистилось. Белое серебро.

Вот, смотрите.

РАННИЙ БРАК

Один мальчик решил насолить однокурснице, красотке и воображале. Что она дразнит только? Думает, он верный паж её навеки.

Одна девочка мечтала вести взрослую жизнь, уйти от мамы и проучить хорошенько парня постарше – красивого, весёлого и такого классного, что и женщины и мужчины влюблялись в него с налёту, а он всё не мог решить, с кем слаще.

Мальчик и девочка поняли, что у них общие цели, и решили пожениться всем назло. То-то все упадут. Будут локти кусать. Зарыдают вообще...

А на свадьбе друзья хоть выпьют как люди.

Дождались, что девочке исполнилось восемнадцать, записались в загсе, сыграли свадьбу и утром проснулись в большой старой квартире, с горой дурацких подарков и невымытой посуды, обиженно и виновато глядя друг на друга.

– Расскажи что-нибудь, – попросила жена мужа, крутя на пальце великоватое новенькое колечко.

Рассказывать было нечего, их жизни были очень коротки и похожи, жизни московских детей из семей, где читают книжки. Весна, самая середина апреля, оттаивала, отогревалась облезлая Москва, и на карнизе орали воробьи. Однокурсница и ухом не повела, а мальчик и девочка два года жили вместе – лазали в заброшенные

дома на Хитровке, гуляли по крышам, пили пиво на Яузе, ездили от станции «Площадь Ногина» в свои институты, учили уроки – каждый свои. История кино СССР. Теория и практика партийной печати. А потом нехорошо, грязно разошлись и больше уже ни разу не виделись. Когда недавно девочка узнала о самовольной кончине мальчика, она опечалилась и решила посоветоваться с толковым батюшкой, как о мальчике следует молиться.

Так по сей день и собирается.

Всё? Всё.

Впрочем, у проекта «Ранний брак» есть и положительные результаты. Красивый и классный парень постарше крепко обиделся на девочку.

Бросил Москву и несколько лет болтался по стране разнорабочим, отчего очень вырос в творческом плане, попутно определившись с предпочтениями.

Теперь он отец троих прекрасных детей, по-прежнему красивый, весёлый и классный, а ещё знаменитый.

Встречаясь с девочкой на тусовках, он издали кивает ей без улыбки.

УТРО

Что-то вроде намерения начать новую жизнь. Даже вроде твёрдого решения. Оно приходит однажды утром, когда просыпаешься легко, и воробьи за окошком чирикают как в детстве, и на картине напротив изголовья видишь что-то, чего никогда прежде не замечал.

Так, сперва ликвидировать следы попок и безобразий, вынести мусор. Как хорошо выкидывать, давно ведь надо было выкинуть полквартиры...

С огромным мешком хлама выходишь на улицу, утреннюю, солнечную.

По тротуару с закрытыми глазами ползёт полуголый человек в крови и стонет:

– Пить, пить...

В ужасе от него шарахается старушка с собачкой, автомобили замедляют ход и едут дальше; два таджика в оранжевых жилетах снимают его на айфон, и ещё какой-то перец в сторонке снимает, как снимают таджики, как шарахается старушка.

– Что с вами? Сейчас я вызову скорую, – бормочешь ты, наклоняясь над раненым. – Сейчас я воды...

Человек открывает глаза и глядит на тебя с ненавистью.

– Отойдите, – сквозь зубы говорит он.

– Это перформанс...